

МНЕ ЧАСТО вспоминаются дни далекой молодости. Лето 1936 года. Небольшой особняк, окруженный живописным садом, расположенный высоко на горе, в одном из тишайших переулков Сочи, — дом Николая Алексеевича Островского. Там я бывал много раз.

В Сочи я проводил свои летние каникулы, аккомпанировал певцам и инструменталистам, приезжавшим на гастроли в концертный зал «Ривьера», где за это получал своеобразную стипендию: комнату с питанием, а иногда и маленькое денежное вознаграждение, вполне соответствовавшее моему «студенческому чину». Почетное приглашение побывать у Н. Островского и опробовать новый рояль, который ему недавно привезли, меня, естественно, весьма обрадовало. И вот мы — виолончелист Я. Смольянский и я — еле дыша от волнения, подошли к заветной калитке.

«Ждем вас, проходите, пожалуйста, — любезно пригласила нас мать писателя, Ольга Осиповна, встречая в маленькой передней. — Коля на веранде, прошу сюда...».

Николай Алексеевич лежал почти неподвижно. Больно было видеть молодого человека, лишенного зрения, приговоренного в расцвете сил к постели. Он — в военной гимнастерке с ромбом в петлицах (ему было присвоено звание бригадного комиссара), в руке небольшая палочка с ленточками, которой он отгонял с лица комара. Рука эта едва-едва двигалась, а иногда вдруг совсем застыла, словно окостенев.

Мы говорили почему-то шепотом и старались не смотреть друг на друга: казалось, загорелые, обветренные лица совсем не вязались с обстановкой квартиры, хозяин которой так тяжело болен. Но через несколько минут это впечатление рассеялось. Николай Алексеевич бодрый, веселый голосом поздоровался с нами, и беседа завязалась.

Мы рассказывали ему последние московские новости, говорили о вышедших книгах, стихах, о театральные премьеры. Н. А. Островский очень интересовался успехами советского искусства, и разговор принимал все более непринужденный характер. Вечер закончился импровизированным концертом. По просьбе Николая Алексеевича я сыграл на рояле «Вальс-фантазию» М. Глинки и аккомпанировал Я. Смольянскому, который исполнил несколько виолончельных пьес Глазунова, Рахманинова и Глиера.

Мы ушли поздно вечером, очарованные непринужденностью и мягкостью хозяина, окруженного заботами и вниманием большой, дружной семьи — матери, сестры

Соб. кусты, 1963, 17 мая

Екатерины и брата Дмитрия. Жена писателя Раиса Порфирьевна была в это время на работе в Москве.

— Заходите, ребята, — сказал на прощание Островский, — пятнадцатого августа я «ухожу в отпуск» и тогда заставлю вас играть почаще. Не пропадите. Сочи — город шумный, веселый, тут затеряться нетрудно! — пошутил он.

...Через пару дней — телефонный звонок:

— Заходи, не стесняйся, — не

— Чайковский открывает в моей душе новые ощущения и чувства, — делился со мной Н. Островский. — Мне пришлось видеть в своей жизни много крови и страданий. Мы росли в трудное время — не щадили врагов и не всегда находили время беречь себя. Сцены гражданской войны живут в моей памяти, как цепь бесконечных походов, как глущая ненависть к врагу. А нежности и любви выпало на наш век немного.

мемуары

Незабываемые встречи

помешает! — услышал я голос писателя. — Рояль настроили, а играть некому. Ты где? На «Ривьере»? Один? Сейчас высылаю машину...

И снова та же веранда. Окна распахнуты настежь. Бесшумно покачиваются кипарисы. Тишина.

— Да, великое дело — музыка, — словно подытоживая свои мысли, сказал Н. Островский после того, как отзвучали последние аккорды рояля, — радостно, что она теперь — достояние каждого, а не только кучки избранных.

Он неожиданно прервал беседу и после короткой паузы попросил сыграть что-нибудь, напоминающее по ритму шум моря, движение волн.

— Я очень скучаю по морю, — жаловался Николай Алексеевич. — Раньше эту дачу хотели строить на побережье, но потом решили, что шум прибоя будет меня утомлять. Вот и поселился на горе... Так вот поройся в памяти или в нотах и начинай... Я играю этюд Листа (ре-бемоль мажор). Островский слушает молча. По его лицу вижу, что музыка ему нравится.

Однажды Николай Алексеевич попросил меня сыграть что-нибудь из произведений Чайковского. Я попытался исполнить фортепианный цикл «Времена года», но вскоре сбился, так как многих пьес не знал наизусть.

— Открой нотный шкаф, — сказал Николай Алексеевич. — Если не ошибюсь, сочинения Чайковского лежат на третьей полке снизу. (Островский знал точно, где и в каком порядке расставлены книги и ноты его обширной библиотеки).

В этот же день участники струнного квартета имени Вильома были у Н. Островского и играли ему Третий квартет Чайковского.

Об их исполнении писатель сказал: «Знаешь, что меня больше всего поразило в этом произведении? Скерцо! Я хотел бы добиться такого же динамичного развития мысли в новых главах моей книги».

Однажды Николай Алексеевич попросил меня сыграть какую-нибудь польку. Я сыграл ему несколько разных полек, но ни одна из них не произвела на него никакого впечатления.

— А эту ты знаешь? — спросил он и начал напевать и насвистывать «Итальянскую польку» Рахманинова.

Очень она понравилась Островскому. Оказывается, он в молодости играл ее на гармони, но не знал названия и автора музыки. Эту польку он искал давно, и впоследствии ввел ее как музыкальный образ в двенадцатую главу романа «Рожденные бурей», где графиня Могельницкая играет в лесной избушке на пианино партизанам.

Часто бывала в доме писателя и охотно там пела артистка Вера Духовская. Романсы Рахманинова, Чайковского, Глинки, арии из опер, украинские народные песни (их особенно любил Николай Алексеевич и часто сам подпевал) — так, примерно, строилась программа каждой встречи. Как-то В. Духовская и я исполнили Н. Островскому новую, тогда еще только написанную песню «Орленок» (музыка В. Белого, слова Я. Шведова). Эту песню он слышал впервые (мы ее испол-

нили по рукописи). Она произвела на него большое впечатление.

— Да, это наша песня! — воскликнул он. — Как жаль, что «Орленок» не было среди нас, комсомольцев, 15 лет назад! На фронтах гражданской войны не хватало таких песен.

Н. Островский очень любил песню про Орленка. Часто вечерами я играл ему на рояле, а он приятным грудным голосом тихо подпевал:

Сигизмунд КАЦ

Орленок, орленок, товарищ
крылатый,
Ты видишь, что я уцелел...

Известные артисты, приезжавшие в Сочи, буквально рвались к Островскому, и мне приходилось выступать в скромной роли их аккомпаниатора. Кто только не побывал в этом доме, где так любили музыку: П. Цесевич, В. Духовская, С. Хромченко, П. Лисициан, квартет имени Вильома — всех вспомнить и перечислить невозможно. Импровизированные концерты происходили на большой веранде, где стояли рояль и кровать, на которой лежал Николай Алексеевич. Кроме домашних и гостей (а их в доме было всегда много), наши концерты слушали и соседи окружающих домов.

Однажды я был у него один, без артистов. Мы разговорились, и Николай Алексеевич очень удивился, узнав, что я учусь на композиторском факультете и собираюсь стать композитором.

— А я-то думал, что ты только пианист! — сказал он. — А ну-ка, сыграй мне, пожалуйста, что ты там сочиняешь?

Я сыграл недавно законченную сонатину и показал несколько отрывков из оперы «Капитанская дочка», над которой тогда работал.

— Знаешь, что, Дзыга (так называл меня Н. Островский за мою чрезмерную подвижность, дзыга — по-украински волчок), в сонатине мне разобратся трудно, не понимаю я еще такой музыки. А вот хор девушек и солдат «Мы в фортеции живем» из оперы я слушал с удовольствием, как будто

побывал в Белогорской крепости. Тебе нужно и в дальнейшем писать мелодичную, песенную музыку. По-едем в Москву, возобновишь занятия в консерватории, а когда кончишь оперу, напиши несколько песен о гражданской войне. Только таких, как «Орленок»!

Слова любимого писателя глубоко запали мне в душу и надолго врезались в память.

Ровно через год я окончил консерваторию, закончил клавиры и написал свою первую песню «Как у дуба старого», посвященную конникам Буденного, героям гражданской войны.

Конец августа 1936 года. В гостеприимном доме писателя шумно. Певец Павел Лисициан и я даем прощальный концерт. Вечером мы уезжаем в Москву и с грустью прощаемся с любезным хозяином и его семьей. Николаю Алексеевичу очень понравилось пение П. Лисициана, которого он слышал впервые.

— Благодарю судьбу, Павлик, что ты родился в это прекрасное время. Тебе только 22 года, и ты, сын простого шахтера, уже солист столичного театра.

— Пой еще, Павлик! Дзыга, подыграй ему.

П. Лисициан поет о «Голубке Ладе» из любимой оперы Н. Островского «Князь Игорь», об удали Василия Грязного из «Царской невесты». Я играю «Вальс-фантазию» Глинки, прелюды Рахманинова и неизменную «Итальянскую польку». После короткой прощальной беседы и обещания зайти к Николаю Алексеевичу в Москве мы поднимаемся.

Мог ли я думать, что эта встреча будет последней и через несколько месяцев оборвется жизнь негасимым духом, полного кипучей энергии и новых замыслов писателя-большевика?..

Шли годы. Мне приходилось много раз выступать в различных вечерах, посвященных творчеству Н. Островского, вместе с его женой, Раисой Порфирьевной, братом (к сожалению, ныне покойным) Дмитрием Алексеевичем. Несколько раз мы принимали участие в телевизионных передачах, которые транслировались из Музея имени Островского на улице Горького. К нам иногда присоединялись писатели А. Караваева, М. Колосов, С. Трегуб — друзья и первые редакторы книг Николая Алексеевича.

Как жаль, что до сих пор еще не собрана и не издана книга воспоминаний современников и друзей покойного писателя. Она бы с удовольствием читалась нашей пылкой молодежью, для которой так много сделал и которую так любил комсомольский писатель Николай Островский.

МНЕ ЧАСТО вспоминаются дни далекой молодости. Лето 1936 года. Небольшой особняк, окруженный живописным садом, расположенный высоко на горе, в одном из тишайших переулков Сочи, — дом Николая Алексеевича Островского. Там я бывал много раз.

В Сочи я проводил свои летние каникулы, аккомпанировал певцам и инструменталистам, приезжавшим на гастроли в концертный зал «Ривьера», где за это получал своеобразную стипендию: комнату с питанием, а иногда и маленькое денежное вознаграждение, вполне соответствовавшее моему «студенческому чину». Почетное приглашение побывать у Н. Островского и опробовать новый рояль, который ему недавно привезли, меня, естественно, весьма обрадовало. И вот мы — виолончелист Я. Смольянский и я — еле дыша от волнения, подошли к заветной калитке. «Ждем вас, проходите, пожалуйста, — любезно пригласила нас мать писателя, Ольга Осиповна, встречая в маленькой передней. — Коля на веранде, прошу сюда...»

Николай Алексеевич лежал почти неподвижно. Больно было видеть молодого человека, лишенного зрения, пригвожденного в расцвете сил к постели. Он — в военной гимнастерке с ромбом в петлицах (ему было присвоено звание бригадного комиссара), в руке небольшая палочка с ленточками, которой он отгонял с лица комаров. Рука эта едва-едва двигалась, а иногда вдруг совсем застыла, словно окостенев.

Мы говорили почему-то шепотом и старались не смотреть друг на друга: казалось, загорелые, обветренные лица совсем не вязались с обстановкой квартиры, хозяин которой так тяжело болен. Но через несколько минут это впечатление рассеялось. Николай Алексеевич бодрый, веселый, голосом поздоровался с нами, и беседа завязалась.

Мы рассказывали ему последние московские новости, говорили о вышедших книгах, стихах, о театральных премьерах. Н. А. Островский очень интересовался успехами советского искусства, и разговор принимал все более непринужденный характер. Вечер закончился импровизированным концертом. По просьбе Николая Алексеевича я сыграл на рояле «Вальс-фантазию» М. Глинки и аккомпанировал Я. Смольянскому, который исполнил несколько виолончельных пьес Глазунова, Рахманинова и Глиера.

Мы ушли поздно вечером, очарованные непринужденностью и мягкостью хозяина, окруженного заботами и вниманием большой, дружной семьи — матери, сестры

Екатерины и брата Дмитрия. Жена писателя Раиса Порфирьевна была в это время на работе в Москве.

— Заходите, ребята, — сказал на прощание Островский, — пятнадцатого августа я кухожу в отпуск и тогда заставлю вас играть почаще. Не пропадите. Сочи — город шумный, веселый, тут затеряться нетрудно! — пошутил он.

...Через пару дней — телефонный звонок:

— Заходи, не стесняйся, — не

мемуары

Незабываемые встречи

Сигизмунд КАЦ

помешаешь! — услышал я голос писателя. — Рояль настроили, а играть некому. Ты где? На «Ривьере»? Один? Сейчас высылаю машину...

И снова та же веранда. Окна распахнуты настежь. Бесшумно покачиваются кипарисы. Тишина.

— Да, великое дело — музыка, — слово подытоживая свои мысли, сказал Н. Островский после того, как отзвучали последние аккорды рояля, — радость, что она теперь — достояние каждого, а не только кучки избранных.

Он неожиданно прервал беседу и после короткой паузы попросил сыграть что-нибудь, напоминающее по ритму шум моря, движение волн.

— Я очень скучаю по морю, — жаловался Николай Алексеевич. — Раньше эту дачу хотели строить на побережье, но потом решили, что шум прибоя будет меня утомлять. Вот и поселился на горе... Так вот поройся в памяти или в нотах и начинай... Я играю этюд Листа (ре-бемоль мажор). Островский слушает молча. По его лицу вижу, что музыка ему нравится.

Однажды Николай Алексеевич попросил меня сыграть что-нибудь из произведений Чайковского. Я попытался исполнить фортепианный цикл «Времена года», но вскоре сбился, так как многих пьес не знал наизусть.

— Открой нотный шкаф, — сказал Николай Алексеевич. — Если не ошибаюсь, сочинения Чайковского лежат на третьей полке снизу. (Островский знал точно, где и в каком порядке расставлены книги и ноты его обширной библиотеки).

— Чайковский открывает в моей душе новые ощущения и чувства, — делился со мной Н. Островский. — Мне пришлось видеть в своей жизни много крови и страданий. Мы росли в трудное время — не щадили врагов и не всегда находили время беречь себя. Сцены гражданской войны живут в моей памяти, как цепь бесконечных походов, как жгучая ненависть к врагу. А нежность и любви выпало на наш век немного.

В этот же день участники струнного квартета имени Вильома были у Н. Островского и играли ему Третий квартет Чайковского.

Об их исполнении писатель сказал: «Знаешь, что меня больше всего поразило в этом произведении? Скерцо! Я хотел бы добиться такого же динамичного развития мысли в новых главах моей книги».

Однажды Николай Алексеевич попросил меня сыграть какую-нибудь польку. Я сыграл ему несколько разных полек, но ни одна из них не произвела на него никакого впечатления.

— А эту ты знаешь? — спросил он и начал напевать и напевать «Итальянскую польку» Рахманинова.

Очень она понравилась Островскому. Оказывается, он в молодости играл ее на гармонии, но не знал названия и автора музыки. Эту польку он искал давно, и впоследствии ввел ее как музыкальный образ в двенадцатую главу романа «Рожденные бурей», где графиня Могельницкая играет в лесной избушке на пианино партизанам.

Часто бывала в доме писателя и охотно там пела артистка Вера Духовская. Романсы Рахманинова, Чайковского, Глинки, арии из опер, украинские народные песни (их особенно любил Николай Алексеевич и часто сам подпевал) — так, примерно, строилась программа каждой встречи. Как-то В. Духовская и я исполнили Н. Островскому новую, тогда еще только написанную песню «Орленок» (музыка В. Белого, слова Я. Шведова). Эту песню он слышал впервые (мы ее испол-

нили по рукописи). Она произвела на него большое впечатление.

— Да, это наша песня! — воскликнул он. — Как жаль, что «Орленок» не было среди нас, комсомольцев, 15 лет назад! На фронтах гражданской войны не хватало таких песен.

Н. Островский очень полюбил песню про Орленка. Часто вечерами я играл ему на рояле, а он приятно грудным голосом тихо подпевал:

Орленок, орленок, товарищ
крылатый,
Ты видишь, что я уцелел...

Известные артисты, приезжавшие в Сочи, буквально рвались к Островскому, и мне приходилось выступать в скромной роли их аккомпаниатора. Кто только не побывал в этом доме, где так любили музыку: П. Цесевич, В. Духовская, С. Хромченко, П. Лисициан, квартет имени Вильома — всех вспомнить и перечислить невозможно. Импровизированные концерты происходили на большой веранде, где стояли рояль и кровать, на которой лежал Николай Алексеевич. Кроме домашних и гостей (а их в доме было всегда много), наши концерты слушали и соседи окружающих домов.

Однажды я был у него один, без артистов. Мы разговорились, и Николай Алексеевич очень удивился, узнав, что я учусь на композиторском факультете и собираюсь стать композитором.

— А я-то думал, что ты только пианист! — сказал он. — А ну-ка, сыграй мне, пожалуйста, что ты там сочинишь?

Я сыграл недавно законченную сонатину и показал несколько отрывков из оперы «Капитанская дочка», над которой тогда работал.

— Знаешь, что, Дзыга (так называл меня Н. Островский за мою чрезмерную подвижность, дзыга — по-украински волчок), в сонатине мне разобраться трудно, не понимаю я еще такой музыки. А вот хор девушек и солдат «Мы в фортеции живем» из оперы я слушал с удовольствием, как будто

побывал в Белогорской крепости. Тебе нужно и в дальнейшем писать мелодичную, песенную музыку. Поедешь в Москву, возобновишь занятия в консерватории, а когда кончишь оперу, напиши несколько песен о гражданской войне. Только таких, как «Орленок»!

Слова любимого писателя глубоко западали мне в душу и надолго врезались в память.

Ровно через год я окончил консерваторию, закончил клавир оперы и написал свою первую песню «Как у дуба старого», посвященную конникам Буденного, героям гражданской войны.

Конец августа 1936 года. В гостеприимном доме писателя шумно. Певец Павел Лисициан и я даем прощальный концерт. Вечером мы уезжаем в Москву и с грустью прощаемся с любезным хозяином и его семьей. Николаю Алексеевичу очень понравилось пение П. Лисициана, которого он слышал впервые.

— Благодарю судьбу, Павлик, что ты родился в это прекрасное время. Тебе только 22 года, и ты, сын простого шахтера, уже солист столичного театра.

— Пой еще, Павлик! Дзыга, подыграй ему.

П. Лисициан поет о «Голубке Ладе» из любимой оперы Н. Островского «Князь Игорь», об удали Василия Грязного из «Царской невесты». Я играю «Вальс-фантазию» Глинки, прелюды Рахманинова и неизменную «Итальянскую польку». После короткой прощальной беседы и обещания зайти к Николаю Алексеевичу в Москве мы поднимаемся.

Мог ли я думать, что эта встреча будет последней и через несколько месяцев оборвется жизнь нестигаемого духом, полного кипучей энергии и новых замыслов писателя-большешевика?..

Шли годы. Мне приходилось много раз выступать в различных вечерах, посвященных творчеству Н. Островского, вместе с его женой, Раисой Порфирьевной, братом (к сожалению, ныне покойным) Дмитрием Алексеевичем. Несколько раз мы принимали участие в телевизионных передачах, которые транслировались из Музея имени Островского на улице Горького. К нам иногда присоединялись писатели А. Караваев, М. Колосов, С. Третьяков — друзья и первые редакторы книг Николая Алексеевича.

Как жаль, что до сих пор еще не собрана и не издана книга воспоминаний современников и друзей покойного писателя. Она бы с удовольствием читалась нашей пылливой молодежью, для которой так много сделал и которую так любил комсомольский писатель Николай Островский.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
МОСКВА
7 МАЯ 1989